

УДК 15

DOI 10.25799/AR.2019.43.1.066

Этапы преодоления позиции жертвы у женщин, подвергшихся домашнему насилию

Леденцова Светлана Леонидовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии,
Сургутский государственный университет,
628400, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
e-mail: Leden-svet@yandex.ru

Солоп Анастасия Олеговна

Студент,
Сургутский государственный университет,
628400, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
e-mail: solop.a93@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию психологических причин и последствий домашнего насилия для личности женщин, а также способов их преодоления. Основным нарушением заявлена позиция Жертвы, описаны критерии ее проявления. В качестве психологического сопровождения женщин, пострадавших от домашнего насилия, предложена сказкотерапия, развертывающаяся в логике проекта «Автор своей жизни». При анализе данных пре- и посттеста проводилась математическая обработка по U-критерию Манна-Уитни. Сравнение результатов показало, что баллы критериев, полученные в посттесте существенно выше, чем баллы критериев претеста, так как полученное эмпирическое значение U-эмп (0.5) находится в зоне значимости. Это говорит о том, что разработанный нами развивающий курс, опирающийся на принципы проектного обучения, эффективен для психологического сопровождения женщин, подвергшихся домашнему насилию. Результатом исследования является описание этапов преодоления женщинами в ходе проекта позиции Жертвы и ее смена на позицию Автора.

Для цитирования в научных исследованиях

Леденцова С.Л., Солоп А.О. Этапы преодоления позиции жертвы у женщин, подвергшихся домашнему насилию // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 177-190.

Ключевые слова

Виктимность, позиция Жертвы, позиция Автора, домашнее насилие, проектная форма работы, сказкотерапия.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена статистикой, вскрывающей масштабность домашнего насилия в России. По разным данным, в нашей стране за 2017 год 36 тысяч женщин ежедневно терпят побои от своих мужей, 14 тысяч женщин погибают от рук мужей или близких людей, еще 2 тысячи, спасаясь от жестокого обращения, кончают жизнь самоубийством. Такая удручающая ситуация усугубляется еще и тем, что больше половины всех женщин не обращаются за помощью, предпочитая оставаться рядом с насильником, скрывая свое положение даже от самых близких людей. Была установлена закономерность, что жертвами систематических эпизодов насилия, в том числе и домашнего, являются люди с виктимным поведением [Анисимова, Семерикова, 2015; Блажевска, Стойменовска, 2017].

Понятие «виктимности» было введено Л. В. Франком, как способности стать жертвой, раскрывающуюся в ходе преступного акта. Но одновременно с появлением термина возникли и различия в выделении его сущностных характеристик. Разница выявлялась в понимании структуры виктимности; определении ее как личностного свойства или как ситуативного состояния; различий потенциальной и актуальной виктимности; времени возникновения потенциальной предрасположенности к позиции Жертвы и пр. На современном этапе исследование виктимности имеет два основных вектора: как индивидуальной психологической характеристики личности и как социального явления [Ривман, 2002].

Классические виктимологические концепции (Л. В. Франк, А. Л. Репецкая, В. Я. Рыбальская, В. П. Коновалов, В. И. Полубинский, А. Л. Ситковский, В. С. Устинов, В. Е. Христенко и пр.), учение о девиантном поведении (Ю. А. Клейберг), психосемантическая концепция личностных черт (А. Г. Шмелев) определяют виктимность через личностные черты позиции Жертвы [Долговых, 2009].

Так, В. И. Полубинский объясняет виктимность исключительно внутренними характеристиками личности, внешним качествам ситуации он отводит роль катализатора для появления потенциальной виктимности. А. Г. Шмелевым виктимность понимается как психосемантическая личностная черта, установка, ведущая к ошибкам распознавания сущностных характеристик ситуации, приводящая к нарушению адаптации [Голубь, Голубь, 2015].

В современных исследованиях Анисимовой Н. Р., Блажевска В., Злобиной О. Ю., Вакулича Т. М., Гаптелганиева Р. Г., Лефтерова В. А., Свистуновой Л. П., Шевцовой И. Я., Семериковой А. А., Стойменовска К. и др., виктимность понимается как повышенная способность человека становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений [Анисимова, Семерикова, 2015; Блажевска, Стойменовска, 2017; Вакулич, Лефтеров, 2013; Гаптелганиев, 2010; Злобина, Свистунова, Шевцова, 2016].

Определения виктимности как социального явления придерживаются, в частности, Г. В. Антонов-Романовский и А. А. Лютов, которые характеризовали виктимность поведения через описание социальной ситуации [Голубь, Голубь, 2015; Долговых, 2009]. Д. В. Ривман считал, что виктимность всех членов общества обусловлена существованием преступности, поэтому любой человек потенциально виктимен [Ривман, 2002]. По мнению Б. Холыста виктимогенный потенциал является видом внутренней неадекватности элементов культурного стандарта [Голубь, Голубь, 2015]. Такие неадекватные условия могут вызывать посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), которое формирует черты виктимности. В исследованиях последних лет, в частности, К. В. Вишневецким – представителем радикальной виктимологии, подчеркивается, что необходимо переносить центр исследовательских интересов в

пространство социальных детерминант виктимности и решать вопросы ответственности общества и государства за виктимизацию личности [Вишневецкий, 2018]. С. А. Васильев также считает, что из-за отсутствия в России целостной государственной виктимологической доктрины, направленной на защиту прав потерпевших, общество обуславливает формирование виктимности людей, психопатизации и криминогенности их поведения (как знак ПТСР) которых не может защитить [Гаптелганиев, 2010].

Существуют позиции, интегрирующие оба вектора исследования виктимности. Так, К. Миядзава выделял социальные, ролевые и гендерные особенности жертвы, определяющие общую виктимность, и свойства личности как специальную виктимность. Он считал, что при соединении данных аспектов друг с другом виктимность увеличивается [Голубь, Голубь, 2015]. Ярошевич Е. А. считает, что виктимность – это состояние уязвимости, способность стать жертвой, а также психологическое свойство личности, возникающее из-за дефекта культурогенеза [Ярошевич, 2016].

Вне зависимости от теоретической позиции авторы выявляют схожие психологические особенности жертвы. А. Л. Репецкая говорит об эмоциональной неустойчивости, неконтролируемости, сниженной способности к абстрактному мышлению, повышенной конфликтности. Е. Г. Дозорцева описывает потерпевших как внушаемых, подчиняющихся, нерешительных, доверчивых, эмоционально неустойчивых, имеющих трудности прогнозирования и легкость развития дезорганизации. В. А. Туляков указывает на беспомощность, низкую самооценку, запуганность жертв [Голубь, Голубь, 2015; Долговых, 2009]. А. В. Мудрик выделяет такие характеристики жертвы как неустойчивость, негибкость реагирования на противоправную ситуацию, экстернальность. Исследования И. И. Мамайчук и В. Л. Васильева показывают, что у виктимных лиц наблюдается низкая способность к интеграции поведения, высокая степень конформности, недостаточная реалистичность, социальная робость, высокая эмоциональная вовлеченность в ситуацию, сниженный уровень социальной адаптации. Ю. А. Клейберг характеризует виктимную личность снижением уровня мотивации, заниженной самооценкой, дефицитом ценностных ориентаций [Долговых, 2009].

Можно сделать вывод о том, что, несмотря на многочисленные исследования виктимности, не существует общей картины, связывающей генезис, структуру, механизм образования и последствия появления позиции Жертвы. Следовательно, нет однозначного представления о стратегии психологической помощи таким подопечным и динамике развития их личности в ходе психологического сопровождения. В этом противоречии заключается проблема исследования, исходя из которой, нами была поставлена цель выявить и описать этапы преодоления позиции Жертвы у женщин, подвергающихся домашнему насилию как критерии эффективности разработанной технологии их психологического сопровождения.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Теоретически обосновать и экспериментально проверить выбор эффективных психологических условий сопровождения женщин, подвергшихся домашнему насилию, на основе использования проектной технологии.
2. Разработать критерии для анализа динамики позиции Жертвы как развития ПТСР и апробировать методический инструментарий, вскрывающий данную динамику.
3. Охарактеризовать этапы развития женщин (жертв насилия) в процессе овладения психологическими средствами проекта на основе выделенных критериев виктимности и ПТСР.

Объектом работы послужили психологические особенности женщин, подвергшихся домашнему насилию. А предметом – этапы преодоления позиции Жертвы, как основы

психологических особенностей женщин, подвергшихся домашнему насилию.

Мы предположили, что у жертв домашнего насилия будут наблюдаться виктимные черты личности и симптомы ПТСР, проявляющиеся во всех сферах жизни (такие как расстройство аффективных функций, психопатизация, беспомощность, всестерпимость, заниженная самооценка, жертвенность, соматизация аффекта и пр.). А также рассчитывали, что в результате проектной работы, у испытуемых снизится уровень психопатизации личности и выраженность виктимных черт.

Исследование динамики преодоления позиции Жертвы у женщин, подвергшихся домашнему насилию, было реализовано в период с марта 2015 по февраль 2017 года и включало в себя два блока: диагностический и развивающий. В диагностическом блоке методическим инструментарием пре- и посттеста были выбраны следующие методики: Тест фрустрации Розенцвейга; Тест-опросник субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера; СМОЛ (Мини-мульти); Методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн; U-критерий Манна-Уитни; Контент-анализ клинической беседы по Live-line А. А. Кроника и текстов сказок по таблицам САТ, придуманных подопечными. Обоснованием для выделенных категорий контент-анализа явилась их экспертная верификация, проходившая в виде однократного коллективного опроса специалистов – профессионалов в области клинической психологии, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, со стажем работы в данной области не менее 15 лет и достаточным количеством опубликованных работ по специальности.

Подопечными выступили 18 женщин, подвергавшихся домашнему насилию (от 23 до 41 г.) Критериями выборки женщин для исследования являлись: возраст от 18 лет, наличие в анамнезе систематического факта домашнего насилия со стороны сожителя длительностью более года; последний эпизод насилия был менее года назад; стабильное состояние подопечной.

Целью претеста выступило исследование особенностей социальной ситуации развития жертв домашнего насилия, их поведения в психотравмирующей ситуации и выявление характеристик личности, свидетельствующих о наличии у подопечных позиции Жертвы и симптомов ПТСР. Задачами посттеста выступили выявление изменений, произошедших с женщинами после проведенного развивающего курса, в частности описание модификации позиции Жертвы, а также выявление и описание этапов преодоления жертвенной позиции и ее смены на авторскую. Для решения задач пре- и посттеста были разработаны критерии анализа. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Критерии анализа позиции Жертвы / Автора в пре- и посттесте

Блок	Критерии позиций Жертвы / Автора	Уровень / оценка уровня в баллах (номер уровня равен количеству баллов)	Способ оценки (методики)
Виктимность	Санкция ответственности (мера воздействия, подталкивающие к принятию ответственности)	1. Неформально-негативные (угрозы, ссоры, страх обиды собеседника) 2. Формально-негативные (лишение премии, выговор) 3. Формально-позитивные (премия, повышение) 4. Неформально-позитивные (похвала)	Тест фрустрации Розенцвейга; Контент-анализ клинической беседы по Live-line; Контент-анализ текстов сказок; Тест-опросник УСК Дж. Роттера

Блок	Критерии позиций Жертвы / Автора	Уровень / оценка уровня в баллах (номер уровня равен количеству баллов)	Способ оценки (методики)
	Интернальность (локус контроля). Субъект ответственности	1. Экстернальный (внешний) тип. Ответственность перекладывается на других 2. Нейтральный тип с преобладанием экстернальности 3. Нейтральный тип с преобладанием интернальности 4. Интернальный (внутренний) тип. Ответственность берется на себя	Тест-опросник УСК Дж. Роттера
	Тип отношений с людьми	1. Уступчивый 2. Устраненный 3. Агрессивный 4. Конструктивный	Контент-анализ клинической беседы по Live-line; Контент-анализ текстов сказок; Тест фрустрации Розенцвейга
	Самооценка	1. Заниженная 2. Завышенная 3. Нестабильная 4. Адекватная	Методика самооценки Дембо-Рубинштейн; СМОЛ
	Способность к планированию будущего	1. Ориентирована на прошлое. Нет целей и планов на будущее 2. Ориентирована в основном на прошлое, цели ситуативные 3. Ситуативное, неустойчивое планирование 4. Активное, реалистичное планирование будущего	Контент-анализ клинической беседы по Live-line; Контент-анализ текстов сказок
	Стереотипная роль в проблемной ситуации	1. Роль ребенка 2. Преобладает роль ребенка, частично присутствует роль взрослого 3. Преобладает роль взрослого, частично присутствует роль ребенка 4. Роль взрослого	Контент-анализ клинической беседы по Live-line; Контент-анализ текстов сказок; Тест фрустрации Розенцвейга
	Представление о завершении проблемной ситуации (при моделировании)	1. Негативное, пассивное (плохой исход) 2. Нейтральное, с пассивной позицией 3. Попытки рассмотреть многие варианты решений 4. Выбор позитивного решения ситуации	Контент-анализ текстов сказок
	Осознание своей позиции	1. Полностью неосознаваемая 2. Осознаема ситуативно 3. Чаще осознаема 4. Осознанно выбирает свою позицию	Контент-анализ клинической беседы по Live-line; СМОЛ
	Отношение к ситуации насилия	1. Отрицает насилие, считает, что виновата сама 2. Отношение как к будничной ситуации 3. Негативное отношение с пассивной позицией 4. Резко негативное отношение с активной позицией противостояния	Контент-анализ клинической беседы по Live-line; Контент-анализ текстов сказок

Блок	Критерии позиций Жертвы / Автора	Уровень / оценка уровня в баллах (номер уровня равен количеству баллов)	Способ оценки (методики)
Симптомы ПТСР	Устойчивость к фрустрации	1. Низкий уровень 2. Средний уровень, ближе к низкому 3. Средний уровень, ближе к высокому 4. Высокий уровень	Тест фрустрации Розенцвейга
	Механизм защиты	1. Исключительно первичные защиты 2. Преимущественно первичные (диссоциация, отрицание, вытеснение) 3. Преимущественно вторичные защиты 4. Исключительно вторичные механизмы защиты (рационализация, морализация, сублимация и пр.)	Тест фрустрации Розенцвейга; СМОЛ
	Границы личности	1. Размытые 2. Жесткие 3. Неустойчивые 4. Гибкие	Контент-анализ клинической беседы по Live-line;
	Соматизация тревоги	1. Тревога отсутствует 2. Низкий уровень тревоги 3. Средний уровень тревоги 4. Соматизированная депрессия, психосоматозы	Контент-анализ клинической беседы по Live-line; СМОЛ
	Отношение к мужчине	1. Аморфность, отсутствие мужского образа 2. Расщепление на негативный и идеализированный образ 3. Стремление к интеграции полярных негативных и идеализированных черт 4. Реалистичный образ мужчины	Контент-анализ клинической беседы по Live-line; Контент-анализ текстов сказок

Для преодоления позиции Жертвы и симптомов ПТСР у женщин, подвергавшихся домашнему насилию, мы разработали проектный курс сказкотерапии. Мы остановили свой выбор на проектной форме работы, так как она относится к приоритетному направлению отечественной психологии, основанному на культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и теории деятельности А. Н. Леонтьева, и успешно применяется в рамках различных видов психологического сопровождения, в том числе и в деятельности консультирования. Содержание проекта представлено принципами развивающего обучения В. В. Давыдова, а форма его проведения разворачивается с учетом логики планомерно-поэтапного формирования П. Я. Гальперина. Основу проекта и его сценария составляет проектная задача – конкретная деятельность (объект, система действий, система требований и др.) с хорошо описанными свойствами. В нашем проекте такой деятельностью выступили анализ уже написанных ранее известных сказок, их переформулирование и написание собственных. Мы использовали сказки, так как их написание обладает проективностью (идентификацией с персонажами без контроля сознания), катарсичностью (переживанием аффекта и децентрации от своей позиции), абстрактностью (обобщением и выявлением сущностных характеристик ситуации). Кроме того, написание и проигрывание сказки является деятельностью моделирования типовых жизненных

трудностей и отработки способов их решений. Проект предполагал одну индивидуальную встречу с каждой из подопечных, претест, далее – раскрытие семи тем в рамках групповой работы в проекте и посттест. Одно занятие длилось от 1,5 до 2 часов. Развивающий курс строился по плану, представленному в таблице 2. Одна тема предполагала создание, анализ, моделирование, пантомиму и театральную постановку одной сказки, включая упражнения на коммуникацию и релаксацию. Проект предусматривал домашние задания, заключающиеся в сочинении своих сказок, которые далее на групповом занятии обсуждались и проигрывались.

Таблица 2 – План проектного курса сказкотерапии «Автор своей жизни» для преодоления позиции Жертвы у женщин, подвергшихся домашнему насилию

№	Психологические задачи	Сказка	Реализация
1	Знакомство, установление контакта, мотивация на проект	САТ (как картинка для сюжета)	Эссе, Дискуссия; Разыгрывание и разрешение конфликта; Объявление; «собеседование»; Пантомима; Аналог сказки с измененным условием; Выступление
2	Анализ поведения жертвы в профессиональной среде	Конек-Горбунок	
3	Психология отношений. Анализ потребительского отношения в дружбе	Лиса и волк	
4	Анализ имеющихся представлений о детско-родительских отношениях, моделях воспитания	Морозко	
5	Обсуждение принятых в обществе образов идеальных жены и мужа. Анализ влияния социума на отношение человека к себе и создание личной позиции	Король Дроздобород	
6	Анализ пассивного ожидания как бегство от проблем	Спящая Красавица	
7	Выявление способов и средств совладания в будущем, ориентировка на будущее. Формирование осознанной позиции отличной от позиции жертвы.	Авторская сказка	

В ходе проведения исследования мы получили следующие результаты.

По данным клинической беседы и методики Live-line А. А. Кроника у всех подопечных в преморбиде наблюдалась особая социальная ситуация, которая могла способствовать развитию у них виктимных черт личности: алкоголизм в семье; отсутствие одного из родителей (чаще всего отца); чрезмерная иерархизация и жесткое разделение семейных ролей на «главного» и «подчиненного» (в роли «подчиненного» обычно выступала женщина); подавление родителями инициативы у ребенка, его мнения; формирование «социальной желательности» поведения ребенка через угождение родителям для получения похвалы и пр.

В претесте с помощью методики фрустрации Розенцвейга было выявлено, что для подопечных субъектом ответственности являются окружающие люди. У женщин присутствовали ригидные упорствующие (50%), самозащитные (33,3%) и препятственные (16,7%) реакции экстрапунитивного и интропунитивного и импунитивного (по 33,3%) типов. Это говорит о том, что подопечные имели малую вариативность стратегий реагирования на фрустрацию, и низкую (33,3%) и ниже среднего (33,3%) толерантность к фрустрации (см. табл. 3). В отношениях с людьми превалировала уступчивая, отстраняющаяся или агрессивная стратегия. Данные теста фрустрации Розенцвейга подтверждаются результатами клинической беседы и методики Live-line А. А. Кроника: все женщины имели сходный тип реагирования на психотравмирующую ситуацию. Они старались найти оправдание действиям насильника, взять вину на себя и скрыть факт насилия как нечто постыдное и изолироваться от общества (55,5%,

см. табл. 3), сформировав жесткие границы семьи и размытые личностные (22,2%) или закрывая себя жесткими личностными границами от общества (77,8%) (см. табл.3).

Таблица 3 – Результаты пре- и посттеста оценки позиции Жертвы / Автора

Претест / посттест	Уровни критериев	Критерии позиции Жертвы / Автора (в %)													
		Санкция ответственности	Интернальность	Тип отношений с людьми	Самооценка	Планирование будущего	Роль в проблеме	Завершение проблемы	Осознание позиции	Отношение к насилию	Устойчивость к фрустрации	Механизм защиты	Границы личности	Соматизация тревоги	Отношение к мужчине
Пре-тест	1	50	83,4	66,6	94,4	16,6	50	50	100	55,5	33,3	16,6	22,2	50	50
	2	27,7	0	0	5,5	77,8	50	50	0	44,4	33,3	50	77,8	16,6	50
	3	0	0	33,4	0	0	0	0	0	0	27,7	33,3	0	0	0
	4	22,2	16,6	0	0	5,5	0	0	0	0	5,5	0	0	33,3	0
Пост-тест	1	16,6	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	44,4	0
	2	16,6	0	0	0	0	0	0	5,5	33,4	0	0	0	55,5	5,5
	3	22,4	50	33,4	100	55,5	11,1	11,1	55,5	50	88,8	100	100	0	44,5
	4	44,4	50	66,6	0	44,4	88,8	88,8	38,8	16,6	11,1	0	0	0	50

Анализ различий по претесту и посттесту выявил следующие результаты. В посттесте, в отличие от претеста по методике Розенцвейга у каждой подопечной появилось разнообразие типов реагирования на фрустрацию (присутствовали у каждой подопечной одновременно упорствующие, самозащитные, и препятственные реакции экстрапунитивного, интропунитивного и импунитивного типов), превалирование одного типа реагирования было не таким явным как в претесте. Кроме того, в 83,3% случаев преобладающий в претесте тип реагирования сменился на иную реакцию. Распределение типов реагирования выглядело следующим образом: количество упорствующих реакций увеличилось до 83,3% от всей выборки по сравнению с 50% претеста, самозащитных реакций осталось всего 16,7% от 33,3 % выборки, а препятственные реакции перестали использоваться (0%), что качественно отличалось от 16,7%, выявленных в претесте. Преобладающим оказалось интропунитивное направление (83,3% от прежних 33,3%), сократилось импунитивное (осталось 16,7% от 33,3%) и исчезло из приоритетных экстарпунитивное направление (0% в посттесте в отличие от 33,3% претеста). Это указывает на то, что произошло изменение реакций подопечных с обвиняющей позиции и возлагающей ответственность на других на позицию принятия ответственности за решения и выбор путей преодоления проблемы, о появлении вариативности стратегий реагирования на фрустрацию, о повышении устойчивости к фрустрации (высокий уровень – 11,1%, средний – 88,8%, см. табл. 3). В отношениях с людьми появились конструктивные способы взаимодействия (66,6% - в табл. 3).

По результатам претеста методики СМОЛ (Мини-мульти) было выявлено, что в 100% случаев пики выраженных шкал были выше нормативных 70 Т-баллов, что свидетельствует о психопатизации личности, наличии акцентуированных черт (т.е. наличия признаков ПТСР). В

личностном профиле подопечных были замечены общие для них (в 100% случаев) подъемы на шкале 2 (тревоги и депрессии) и падение баллов по шкале 9 (гипомании); повышение баллов по шкале 4 (психопатии или асоциальности), пик по шкале 6 (ригидности аффекта или паранойяльности) и по шкале 7 (психастении). Эти данные указывают на схожий психологический портрет, который характерен для виктимных личностей. У каждой подопечной присутствует страх перед насильником, попытки подстроить себя и свое поведение под его требования и нужды, невзирая на социальные нормы и правила. Каждая испытывала ощущение нависшей угрозы, оценивала мир как враждебный, что сопровождалось резким снижением самооценки (заниженная у 94,4% женщин, см. табл. 3), тревожностью, депрессией, гипертрофированным чувством вины, снижением ощущения ценности своей жизни, зависимостью от мнения окружающих, утратой контактов с социумом, негативным (16,6%) или аморфным (77,8%) представлением о будущем, соматизацией тревоги (50% в табл. 3).

Результаты претеста по методике СМОЛ подтверждаются итогами клинической беседы и Live-line А. А. Кроника. Подопечные в претесте описывали наличие необъяснимой тревожности, стресса, апатии или хронической усталости (16,6% - второй уровень соматизации по табл.3). У 50% (1 уровень по табл. 3) женщин были выявлены соматические феномены. Из них 60% описывали симптомы депрессии, а 40% этих женщин указывали на наличие соматических заболеваний (чаще гинекологических), возникающих по времени после предшествующего случая домашнего насилия. Также подопечных тревожили ночные кошмары. Они говорили о резком снижении самооценки (низкие баллы (до 5 баллов у 94% женщин, данные – в табл. 3) в ролях жены, дочери, матери, члена общества, появлении недоверия к окружающим (в частности к мужчинам), замкнутости, отрицании своей женственности.

После проведенного развивающего курса в посттесте методики СМОЛ при сохранении у каждой подопечной характерного рисунка индивидуального профиля, мы диагностировали в 100% случаев снижение Т-баллов личностных профилей на нормативный уровень (пики не выходили за 70 Т-баллов по сравнению с выраженными пиками в претесте). А также в 100% случаев наблюдалось снижение баллов по шкале 2 (депрессии), у некоторых подопечных был зафиксирован рост баллов по шкале 9 (гипомании), что говорит о нивелировании депрессии. Также у всех присутствовало некоторое снижение баллов по 7 шкале (психастении), что указывает на снижение страхов и появление позитивного планирования будущего. Было диагностировано у всех подопечных снижение шкалы 6 (паранойяльности) за счет появления большего доверия к миру, другим людям. В посттесте выявлено, что у всех женщин за счет освоения новых, конструктивных способов взаимодействия, понимания себя и других, самооценка начала приближаться к адекватному уровню (нестабильное повышение в 100% случаев, что отражено в табл. 3), личностные границы стали более проницаемыми (100%), что говорит о том, что начала видоизменяться модель поведения в сторону преодоления инфантильности, построения нового образа своей идентичности.

В претесте по данным тест-опросника УСК Дж. Роттера у подопечных в 83,4% случаев преобладал экстернальный (внешний) тип субъективного контроля (см. табл. 3), при котором ответственность за решение проблемы перекладывалась на других людей. Среднее значение экстернальности в этой выборке составило 59,2 балла, а по интернальности – всего 39,8 баллов. И лишь у 16,6% (табл. 3) от всей группы преобладал выбор интернального вектора контроля, при котором ответственность бралась подопечными на себя. Среднее значение интернальности в этой группе было равно 51 баллу, а экстернальность – 48 баллам. Результаты претеста свидетельствовали об инфантильности подопечных, о стереотипно принимаемой ими роли

ребенка в проблемной ситуации (50%, см. табл. 3), что проявлялось в неприятии ответственности, трудностями рефлексии, отсутствии анализа своих действий и ошибок, использовании в качестве ведущей защиты отрицание наличия проблемы. Основными мерами воздействия, которые могли стимулировать подопечных к принятию на себя ответственности, были негативные санкции (50%): либо угрозы и страхи, либо угроза формальных наказаний (выговор и пр. у 27,7%) (данные в табл. 3).

В посттесте локус-контроля подопечных случаев сместился в сторону интернальности (50%) либо преобладания интернальности (50% по табл. 3). Средний балл интернальности составил 54,3 балла по сравнению с 39,8 баллами претеста, а экстернальность снизилась с 59,2 баллов претеста до 44,6 баллов в посттесте. Это свидетельствует о принятии подопечными ответственности за важные решения в своей жизни, об исполнении роли взрослого (88,8%, см. табл. 3), о появлении активности и инициативности в деятельности, об изменении ведущей защиты с отрицания на защиты более зрелого порядка (рационализация, сублимация и пр.) (100% в табл. 3), что привело к изменению мер воздействия, необходимых для принятия ответственности. Стимулирующими для взятия подопечными ответственности стали позитивные меры: похвала (44,4%), возможность достижения и приобретения благ (премия, повышение и пр. 22,4%), что говорит о появлении планирования будущего (44,4%) или попытках планирования (55,5% см. табл. 3).

Контент-анализ сочинений сказки по таблице САТ показал, что в претесте в 100% случаев происходит идентификация подопечных с персонажем, на которого направлена агрессия. За главным героем сохранялась позиция ребенка, ответственность перекладывалась на окружающих (50%, см. табл. 3). Героини сказок не были склонны к активному решению проблемы. Представление о завершении проблемной ситуации было либо негативное («все кончится плохо» – 50%), либо нейтральное – 50%, при котором отношение к ситуации как проблемной либо отрицалось (55,5%), либо проблема считалась нормативной (44,4%) (см. табл. 3). Наблюдалось обвинение себя, основными способами решения проблемы являлись избегание или отрицание (16,6% всегда, а 50% – часто), отношения с окружающими носили потребительский характер. Роль мужчины в историях либо отсутствовала вовсе (50% случаев), либо он был представлен амбивалентно как обладающий идеальными внешними чертами, но с негативными личностными характеристиками, с желанием навредить (50%). Осознание своей позиции в решении проблемы женщинами не происходило (в 100% случаев). Перечисленные данные отражены в таблице 3.

В посттесте показатели изменились (см. табл. 3). У всех участниц проекта (в 100% случаев) главные героини сказок стали занимать активную, деятельностную позицию взрослого (88,8%), с которыми и происходила идентификация подопечных. В сказках появился положительный исход (77,8%), конструктивные способы решения проблемы (66,6%). Отношения главного героя с окружающими его персонажами стали носить эмоционально-положительный характер. Изменилась роль мужчины в сторону большей многогранности, большего интегрирования положительных и отрицательных черт в одном образе (44,5%) и большей реалистичности (в 50% случаев), усложнились способы взаимодействия с персонажами мужского пола, стала осознанной (38,8%) и чаще осознанной (55,5%), проговариваемой собственная позиция, отражающаяся в поступках главного персонажа сказки. Полученные с помощью различных методик данные пре- и посттеста свидетельствует о том, что в ходе проекта позиция Жертвы, диагностируемая у подопечных в претесте, стала меняться на позицию Автора.

На основании критериев анализа, нами были выделены этапы преодоления позиции Жертвы в ходе развивающего курса:

1-й этап. Жертва. Начальный этап работы подопечной характеризуется избеганием принятия ответственности на себя, перекладыванием ее на других, в некоторых случаях присутствует искаженное понимание ответственности (принятие ответственности за других, но не за себя). Жертва не принимает свою позицию как виктимную. Позиция Жертвы характеризовалась нами по критериям (см. табл. 1), имеющим оценку в один балл, кроме критерия «Соматизация тревоги», который имел оценку в четыре балла. В начале проекта на данном этапе по итогам претеста находилось 83,4% подопечных.

2-й этап. Осознание. Главной характеристикой этого этапа является осознание подопечными позиции Жертвы. Осознание позиции способствует принятию ответственности, а также преобразованию санкции ответственности (в большинстве случаев на неформально-позитивную). Этап осознания позиции Жертвы оценивался нами по критериям, имеющим оценку в два балла, а критерий «Соматизация тревоги» – три балла. К середине проекта на данном этапе находилось 50% подопечных, 16,6% оказались на промежуточной стадии между 1-м и 2-м этапами, и 16,6 % подопечных остались на 1-м этапе.

3-й этап. Преодоление. На данном этапе происходит преобразование позиции Жертвы в позицию Автора. В первую очередь подопечные анализируют и преодолевают поведенческий аспект позиции Жертвы. На основании разработки сценариев выхода из проблемной ситуации, моделируемых при создании и проигрывании сказки, происходит образование средств для анализа, осознания и формирования вариантов стратегий преодоления неэффективного поведения. Этап преодоления позиции Жертвы диагностировался нами по критериям, имеющим оценку в три балла («Соматизация тревоги» – два балла). Серединный срез выявил, что на 3-м этапе находились 16,6% участников.

4-й этап. Возрождение. На завершающем этапе происходит принятие позиции Автора и ее перенос в повседневную жизнь для применения за пределами проекта. Позиция Автора характеризуется принятием ответственности, адекватной самооценкой, отсутствием симптомов ПТСР и виктимности. Этап принятия позиции Автора характеризовался нами с помощью оценки критериев в четыре балла, а критерий «Соматизации тревоги» имел оценку в один балл. По данным посттеста на 4-м этапе не оказалось ни одного участника, так как заявляемые изменения личности служат теоретическим идеалом, вектором, определяющим зону ближайшего развития подопечных, подвергшихся домашнему насилию, а не действительно ожидаемым результатом проекта. Для полного преодоления психопатизации и виктимности необходимо продолжать психологическое сопровождение данных подопечных. После завершения проекта на промежуточной стадии от 3-го к 4-му этапу мы зафиксировали 33,4% подопечных, 16,6% участников к концу проекта достигли 3-го этапа, а 49,8 % оказались на промежуточной стадии между 2-м и 3-м этапами.

Заключение

При анализе данных пре- и посттеста проводилась математическая обработка по U-критерию Манна-Уитни. Сравнение результатов показало, что баллы критериев, полученные в посттесте существенно выше, чем баллы критериев претеста, так как полученное эмпирическое значение U-эмп (0.5) находится в зоне значимости. Это говорит о том, что разработанный нами развивающий курс, опирающийся на принципы проектного обучения, эффективен для психологического сопровождения женщин, подвергшихся домашнему насилию.

Библиография

1. Анисимова Н. Р., Семерикова А. А. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуации домашнего насилия // Сервис в России и за рубежом. 2015. Т 9. № 1 (57). С. 57-66.
2. Баченина М. С. В России 36 тысяч женщин ежедневно терпят побои от своих мужей. Радио «Комсомольская правда». Эфир 19.06.17. 14.30. <https://www.hab.kp.ru/daily/26693/3717478/> (дата обращения 20.02.2018)
3. Блажевска В., Стойменовска К. Различия в личностном профиле женщин жертв домашнего насилия и женщин, которые не являются жертвами домашнего насилия // Психологические науки. 2017. Вып. 9(63). С. 62-64.
4. Вакулич Т. М., Лефтеров В. А. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия // Психология и право. М. МГППУ. 2013. № 2. С. 28-29.
5. Васильев С. А. Жертва и потенциальная жертва преступления как субъект правоотношений // Виктимология. 2018. № 2 (16) С. 34-39.
6. Вишневецкий К. В. Радикальная виктимология: предпосылки и перспективы развития // Виктимология. 2018. № 2 (16) С.14-22.
7. Гаптелганиев Р. Г. Виктимизация как процесс реализации криминальной виктимности // Российский следователь. 2010. № 23. С. 19-22
8. Голубь М. С., Голубь М. А. К вопросу о трактовке основных понятий и категорий педагогической виктимологии // Инновационная наука. 2015. №12. С.215-217.
9. Долговых М. П. Психологическая детерминация проявления виктимного поведения личности подростка: диссертация. Тольятти, 2009. – 189 с.
10. Злобина О. Ю. Свистунова Л. П., Шевцова И. Я. Сознательное и бессознательное отношение к домашнему насилию в менталитете российского общества // Материалы научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, психоаналитических школ (2004-2015 гг.): сборник статей. Иркутск.: Байкальская Психоаналитическая Ассоциация. 2016. С. 186-191.
11. Леденцова С. Л. Курс «Cherchez la femme» как средство развития деятельности консультирования у студентов-психологов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3(24). С. 151–175.
12. Леденцова С. Л. Проектная форма обучения студентов построению стратегии психологического консультирования // «Теория и практика общественного развития». 2014. № 3. С. 104-107.
13. Леденцова С. Л. Психологическое консультирование как метод исследования развития личности. Сургут: Изд-во СурГУ, 2017 – 217 с.
14. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
15. Соколов Д. Ю. Сказки и сказкотерапия. М.: Эксмо-пресс, 2005. – 224 с.
16. Ярошевич Е. А. Девиантность и виктимность личности в генезисе и развитии девиантного поведения // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2016. № 2 (48). С. 53-59.

Stages of overcoming the victim's position in women subjected to domestic violence

Svetlana L. Ledentsova

PhD in Psychological Sciences,
Associate Professor at the Department of Psychology,
Surgut State University,
628400, 1, Lenina av., Surgut, Russian Federation;
e-mail: Leden-svet@yandex.ru

Anastasiya O. Solop

Student,
Surgut State University,
628400, 1, Lenina av., Surgut, Russian Federation;
e-mail: solop.a93@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the psychological causes and consequences of domestic violence for the identity of women, as well as ways to overcome them. The main violation is the position of the Victim, described the criteria for its manifestation. As a psychological support for women who have suffered from domestic violence, fairy-tale therapy has been proposed, which unfolds in the logic of the “Author of Your Life” project. In the analysis of pre- and post-test data, mathematical processing was carried out according to the Mann-Whitney U-test. Comparison of the results showed that the scores of the criteria obtained in the posttest are significantly higher than the scores of the pretest criteria, since the empirical value of U-emp (0.5) obtained is in the significance area. This suggests that the developmental course developed by us, which is based on the principles of project training, is effective for the psychological support of women who have been subjected to domestic violence. The result of the research is the description of the stages of overcoming by women during the draft position of the Sacrifice and her shift to the position of the Author.

For citation

Ledentsova S.L., Solop A.O. (2019) Etapy preodoleniya pozitsii zhertvy u zhenshchin, podvergshikhsya domash-nemu nasiliyu [Stages of overcoming the victim's position in women subjected to domestic violence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (1A), pp. 177-190.

Keywords

Victimization, position of the Victim, position of the Author, domestic violence, project form of work, fairytale therapy.

References

1. Anisimova N. R., Semerikova A. A. Psikhologicheskiye osobennosti viktim-nogo povedeniya zhenshchin v situatsii domashnego nasiliya // *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2015. T 9. № 1 (57). P. 57-66.
2. Bachenina M. S. V Rossii 36 tysyach zhenshchin ezhdnevno terpyat poboii ot svoikh muzhey. Radio «Komsomolskaya pravda». Efir 19.06.17. 14.30. <https://www.hab.kp.ru/daily/26693/3717478/> (data obrashcheniya 20.02.2018)
3. Blazhevskaya V., Stoymenovskaya K. Razlichiya v lichnostnom profile zhenshchin zhertv domashnego nasiliya i zhenshchin, kotoryye ne yavlyayutsya zhertvami domash-nego nasiliya // *Psikhologicheskiye nauki*. 2017. Vyp. 9(63). P. 62-64.
4. Vakulich T. M., Lefterov V. A. Psikhologicheskiye osobennosti viktimnogo povedeniya zhenshchin v situatsiyakh domashnego nasiliya // *Psikhologiya i pravo*. M. MGPPU. 2013. № 2. P. 28-29.
5. Vasilyev S. A. Zhertva i potentsialnaya zhertva prestupleniya kak subyekt pravootnosheniy // *Viktimologiya*. 2018. № 2 (16) P. 34-39.
6. Vishnevetskiy K. V. Radikalnaya viktimologiya: predposylki i perspektivy razvitiya // *Viktimologiya*. 2018. № 2 (16) P.14-22.
7. Gaptelganiyev R. G. Viktimizatsiya kak protsess realizatsii kriminalnoy viktimnosti // *Rossiyskiy sledovatel*. 2010. № 23. P. 19-22
8. Golub M. S., Golub M. A. K voprosu o traktovke osnovnykh ponyatiy i kate-goriy pedagogicheskoy viktimologii // *Innovatsionnaya nauka*. 2015. №12. S.215-217.
9. Dolgovykh M. P. Psikhologicheskaya determinatsiya proyavleniya viktimnogo po-vedeniya lichnosti podrostka: dissertatsiya. Toliatti. 2009. – 189 p.
10. Zlobina O. Yu., Svistunova L. P., Shevtsova I. Ya. Soznatelnoye i bessozna-telnoye otnosheniye k domashnemu nasiliyu v mentalitete rossiyskogo obshchestva // *Materialy nauchno-prakticheskikh konferentsiy. seminarov. kruglykh stolov. psikhoanaliticheskikh shkol (2004-2015 gg.): sbornik statey*. Irkutsk.: Baykalskaya Psikhoanaliticheskaya Assotsiatsiya. 2016. P. 186-191.
11. Ledentsova S. L. Kurs «Cherchez la femme» kak sredstvo razvitiya deyatel-nosti konsultirovaniya u studentov-psikhologov // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. № 3(24). P. 151–175.

12. *Ledentsova S. L.* Proyektynaya forma obucheniya studentov postroyeniya strate-gii psikhologicheskogo konsultirovaniya // «Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya». 2014. № 3. P. 104-107.
13. *Ledentsova S. L.* Psikhologicheskoye konsultirovaniye kak metod issledova-niya razvitiya lichnosti. Surgut: Izd-vo SurGU. 2017 – 217 p.
14. *Rivman D. V.* Kriminalnaya viktimologiya. SPb.: Piter. 2002. – 304 p.
15. *Sokolov D. Yu.* Skazki i skazkoterapiya. M.: Eksmo-press. 2005. – 224 p.
16. *Yaroshevich E. A.* Deviantnost i viktimnost lichnosti v genezise i razvi-tii deviantnogo povedeniya // Vesnik Magileŷskaga dzyarzhaynaga ŷniversiteta imya A.A. Kulyashova. Seryya D. Ekanomika. satsyyalogiya. prava. 2016. № 2 (48). P. 53-59.